УДК 947.084

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.007

Внутрипартийная борьба в Ленинграде в 1926–1928 гг.: эмоциональные характеристики апелляций оппозиционеров

К. В. Кузнецов

аспирант, Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. E-mail: mr.tweektweak@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается практика апелляций оппозиционеров, исключенных из партии в 1926-1928 годах. Дается анализ как известных, так и недавно рассекреченных источников и их интерпретация в контексте внутрипартийной борьбы. Кроме того, в статье рассматриваются изменения в оценке оппозиции на партийных съездах со стороны партийного большинства. Цель данного исследования - проанализировать апелляции оппозиционеров в контексте эмоционального давления со стороны партии. Как показано в работе, за несколько лет политической борьбы в коммунистической партии, оппозиция становится официально неприемлемой группой и исключается из партии. Параллельно этому процессу формируется процедура апеллирования на восстановление в партию для исключенных членов, включая и оппозиционеров. Оппозиционеры, вынужденные обращаться в партию по вопросу восстановления, заполняют апелляции эмоциональным содержанием. Эти эмоции могут свидетельствовать о еще одном, малоизученном измерении политической борьбы, а именно существовании «эмоциональных режимов» и «сообществ». Оппозиционеры могли подчиниться эмоциональным требованиям партийных органов и открыто выразить сожаление в своих прежних действиях. Некоторые выбирали путь продолжения политической борьбы и пытались инициировать дискуссию в своих обращениях, прибегая подчас к явно выраженной эмоциональной аргументации. Связи, укрепившиеся между ленинградскими оппозиционерами за время внутрипартийной борьбы, могут говорить об эмоциональной общности этой группы. Статья может представлять интерес как для специалистов в области политической истории СССР, так и для всех заинтересованных в истории России ХХ века.

Ключевые слова: левая оппозиция, РКП(б) – ВКП(б), апелляции, эмоциональный режим, история эмоций.

В декабре 1927 года политическая оппозиция была официально признана несовместимой с членством в рядах коммунистической партии. В результате этого, на XV-м съезде партии, бывшие сторонники лидеров оппозиции оказались в сложной ситуации. Чтобы сохранить свою партийную работу, им пришлось отказаться от своих оппозиционных взглядов и выразить глубокое сожаление по этому поводу. Отказы от оппозиции создавались в письменной форме, затем передавались в партийные организации и иногда публиковались в газетах. Цель данной работы – изучить эмоциональные характеристики обращений оппозиционеров как средство внутрипартийной борьбы.

В своей книге «Навигация чувств» Уильям Рэдди указывает на несколько аналитических терминов, которые имеют решающее значение для его метода. Среди этих терминов я считаю наиболее актуальными для данного исследования «эмоциональный режим» и «эмоциональную навигацию». «Эмоциональный режим» можно считать навязыванием определенного рода чувств, контролируемых правящей группой и направленных на подчиняющиеся ей социальные группы. В этом случае «эмоциональная навигация» может быть определена как тактика адаптации к этим навязанным эмоциональным требованиям или ухода от них. Как упоминает Рэдди, он привносит свою концепцию для универсального применения, таким образом, мы можем изучать, как социальные и политические сдвиги соответствовали определенной «эмоциональной структуре» [21, с. 13].

Хотя эмоциональные слова считаются довольно расплывчатыми, их анализ привносит многое для понимания охватываемого исторического периода и соответствующего ему эмоционального режима [20, с. 330]. Особенно это заметно в политической борьбе, где эмоциональные ограничения могут быть отличительной частью продолжающихся изменений в отношениях между властью и оппозицией. [6, с. 122] Это может показать, как устанавливались иерархические позиции, когда крупная политическая группа импортировала определенный инструмент контроля над оппозиционной группой, например, – эмоционально наполненные апелляции.

_

[©] Кузнецов К. В., 2021

В этой перспективе Советский Союз конца 1920-х имел очень ограниченное пространство для «эмоциональной навигации». Публичный энтузиазм и повсеместные оптимистические взгляды в будущее были частью повседневной пропаганды, выраженной в газетах, плакатах и на радио [3, с. 35]. Кроме того, было публично объявлено, что люди должны сохранять бдительность в связи с потенциальной внутренней угрозой советской власти [4, с. 2]. Оппозиция была осуждена как одна из таких угроз, а ее враждебный общественный образ был создан в ходе мобилизационных кампаний [5, с. 2]. Как мы полагаем, бывшая политическая оппозиция должна была пройти через специфическое эмоциональное навязывание, так как руководство партии постоянно в ней сомневалось.

Двигаясь дальше, мы можем предполагать, что властное давление по отношению к оппозиции могло бы выстроить неявные эмоциональные связи между оппозиционерами. Эта характеристика довольно точно вписывается в концепцию «эмоциональных сообществ», предложенную Барбарой Розенвейн. По ее словам, эмоциональные сообщества дают более глубокое понимание любой социальной группы, поскольку исследователь изучает внутренние эмоциональные связи. Это выводит восприятие и определение конкретных чувств в изучаемом сообществе. Сравнивая два понятия, Розенвейн даже упоминает, что «режимы» и «сообщества» имеют очень много общего, поэтому лучше говорить о нескольких «режимах», а не о каком-то конкретном. Таким образом, эти понятия можно было бы использовать как сходные определения одного явления [22, с. 11].

Игал Халфин посвятил несколько книг теме советской субъективности и ее отражению в текстах членов коммунистической партии. Кроме того, он разработал свой подход к инквизиционной практике большевистской партии – партийным чисткам, исследуя способы, с помощью которых контрольные комиссии допрашивали потенциальных оппозиционеров. Благодаря такому подходу, мы можем изучать, как в официальном советском дискурсе от каждого конкретного оппозиционера требовалось отказаться от своих взглядов в конкретной форме сожаления или покаяния. Кроме того, эта форма эмоций предписывалась постоянной, поскольку последующие чистки партий каждый раз при их организации требовали новых сожалений. Это стало возможным в 1930-е годы, когда идеологическое и структурное единство партии было утверждено и реализовано при сталинской диктатуре.

Историю большевистской оппозиции можно проследить с конца 1910-х – начала 1920-х годов. В годы Гражданской войны и постоянных крестьянских восстаний по всей стране РКП(б) оказалась единственной политической силой, имевшей достаточно сил для того, чтобы претендовать на контроль над государством. В этих условиях особенно важно было не допустить распада партийной структуры на фракции и группы.

Как отмечает Игал Халфин, первые съезды большевистской партии в 1920-х годах должны были быть открыты для каждого голоса любого члена партии. В результате, дискуссии и споры не мешали публично декларируемому товариществу, но практически каждое решение застревало в бесконечной бюрократической рутине. По мере того как оппозиция начинала организовываться, Сталин и его последователи склонны были связывать оппозицию с контрреволюцией. Таким образом, лидеры оппозиции, Троцкий и Зиновьев, в конце концов, стали главными врагами жесткой партийной линии в глазах остальных [18, с. 178]. Необходимо проследить этот процесс генерации политической оппозиции с первых попыток дискуссий до полного провала оппозиции.

Вадим Роговин отмечает, что внутрипартийная демократия была важна даже в годы отчаянной войны за монополию власти. Большинство лидеров большевиков, в том числе Ленин и Троцкий, считали, что право на выражение собственного мнения имеет решающее значение для каждого члена партии до тех пор, пока оно не выходит за рамки коммунистической идеологии. Свобода слова во время партийных дискуссий обеспечила бы путь для выработки общей стратегии. Партия должна была думать свободно, но действовать уверенно и прямолинейно. Так, в первые годы советской власти были организованы коллективные органы ЦК – Политбюро и Оргбюро, а также специальный орган, отвечающий за моральное и идеологическое единство партии – Центральная Контрольная Комиссия с ее отделениями в регионах [9, с. 11].

Однако новые события существенно изменили атмосферу внутри партии. Обсуждение вопросов, связанных с профсоюзами и партийным строительством, привело к принятию резолюции, считающейся обновленной партийной демократией. Предполагалось распространить активное участие среди всех членов партии, предоставив им избирательное право на все

партийные должности. [9, с. 14] Эта инициатива не была реализована, так как была подписана еще одна резолюция, сильно противоречащая развитию партийной демократии.

На X съезде РКП(б), организованном в марте 1921 года, было подписано специальное постановление о прекращении фракционного распада партии. Постановление «О партийном единстве», подготовленное в основном Лениным, требовало сплочения партии. В ней признавались нынешние и недавние политические угрозы большевистской власти, такие как Белое движение, Кронштадтское восстание и русская эмиграция [11, л. 1]. В этом контексте любая политическая фракция внутри партии определенно могла бы поставить под угрозу весь партийный аппарат и его монополию на государственную власть.

Хотя в постановлении и признавалась необходимость внутрипартийной критики, но с этого момента она никогда не должна быть поводом для формирования фракции или отдельной группы. Поскольку эти внутренние фракции были запрещены, самым строгим наказанием за участие или организацию такой деятельности было изгнание из партии. Последний – 7-й – пункт резолюции предполагал, что партийный съезд дает право ЦК исключать из партии фракционистов. По причине возможного недовольства внутри партии 7-й пункт не был опубликован.

Относительно партийных обсуждений того времени также необходимо отметить, что враждебное отношение к несогласным членам партии уже начало зарождаться. Хотя коммунистическая партия должна была состоять из членов с общими идеями, в сознании большевистских лидеров все чаще стали появляться опасения по поводу скрытой антипартийной принадлежности. Одним из средств унижения оппозиции в то время был смех на партийных собраниях. Он мог неявно воздействовать на оппозиционеров, поскольку им было публично стыдно, и при этом формировал специфическое отношение к оппозиции в массах членов партии низшего ранга [17, с. 253].

Следующий этап антиоппозиционного дискурса состоялся в декабре 1925 года, когда был собран XIV-й съезд РКП(б). В ходе обсуждения текущей политики большинство съезда подверглось резкой критике со стороны Зиновьева в связи с новой экономической политикой и компромиссным отношением к богатому крестьянству (кулакам). Тогда ленинградская организация во главе с Зиновьевым была вынуждена отказаться от своего оппозиционного сопротивления большинству в ЦК. В специальном «Обращении к Ленинградской организации» делегаты призывали соблюдать партийные правила и прекратить провоцировать ненужную напряженность [1, с. 710].

В тексте данного обращения Ленинградская организация обвиняется съездом в недоверии к партии и намеренном голосовании против партийного большинства. Организация также обвиняется в том, что она чрезмерно настаивает на проблеме кулаков, а партия уже имеет эту проблему в виду. Региональный печатный орган Ленинградской организации – «Ленинградская правда» – подвергался резкой критике за свою кампанию против съезда, поскольку та считалась «нарушением партийного единства». В обращении замечания, предложенные оппозицией, были названы «ультиматумом» и, таким образом, эти замечания не могли быть приняты [Там же].

Заключительный официальный этап противостояния оппозиции и большинства состоялся на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года. Еще до этого, в ноябре 1927 года, решением ЦК Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Остальные лидеры оппозиции во время мероприятия подверглись резкой критике со стороны большинства на съезде. [10, с. 17] Результат этих нападений был выражен в резолюции «Об оппозиции», в которой было принято решение об изгнании из партии высокопоставленных оппозиционеров.

В этом документе оппозиция была обвинена в пересмотре ленинской идеологии, отходе от нее в сторону меньшевизма. Съезд обвинил их в отказе от идей социалистических основ советской экономики и в непризнании пролетарской диктатуры в СССР. Также было отмечено, что оппозиция нарушала советское законодательство, организовала незаконную типографию и распространяла запрещенную фракционную литературу. По мнению съезда, все это привело к «антисоветской демонстрации» 7 ноября 1927 года, которая была расценена как явная попытка противостояния советской власти. Прежде всего, оппозиционерам инкриминировалась незаконная связь с потенциально враждебными организациями за рубежом. Последним обвинением стало предположительное намерение оппозиционеров создать свою партию отдельно от большевистской. Съезд счел все это достаточным для того, чтобы исключить из партии 98 членов [2, с. 1317].

Кроме того, что важно для будущего оппозиции, съезд решил принимать обращения от исключенных оппозиционеров, но предложил Центральному Комитету предоставлять шестимесячный испытательный срок для каждого обращения. Также было предложено, чтобы в этих обращениях оппозиционеры отказывались от своих политических платформ в соответствии с решениями XV-го съезда [2, с. 1319].

В качестве предварительного вывода мы можем вкратце сформулировать так: политическая борьба в партии большевиков закончилась официальным запрещением оппозиционных взглядов. Постепенный процесс накопления власти в руках нескольких лидеров большевиков привел к контролю над съездом партии, который решал все важнейшие вопросы на пути к социализму. В конце концов оппозиция была отстранена от этого процесса принятия решений, так как она была объявлена «оружием мелкобуржуазной демократии» [2, с. 1317]. Более того, с этого момента единственным способом признания оппозиционеров партией в качестве ее законных членов стало искреннее раскаяние. Таким образом, мы можем утверждать, что единственным законным средством повторно быть принятым в партию стало строгое эмоциональное подчинение.

По мере того как шли годы еще существовавшей внутрипартийной демократии, практика обращения к партии уже была включена в ее деятельность. [8, с. 191] Обычно бывшие оппозиционеры жалели о своем доверии к лидерам оппозиции и отвергали недавние оппозиционные действия, затем присоединялись и утверждали все решения, принятые большинством ЦК, а также антиоппозиционные пункты опубликованных материалов съезда.

Апелляции, написанные оппозиционерами, были недоступны для исследователей при советской власти. Они являются основными источниками, использованными в данном исследовании. Совсем недавно исследователи получили доступ к этим документам, включив их в новые работы о советском периоде. Как правило, большинство из них являются копиями оригиналов писем, направленных в партийные организации. Всего для данного исследования было изучено 79 апелляций, поданных в бюро партийных коллективов предприятий Ленинграда, в губком (с 1927 – обком) ВКПб Ленинграда и ЦК ВКПб. Среди других возможных источников можно указать советскую периодику, в которой были опубликованы заявления многих оппозиционеров.

Можно считать, что тип апелляций, которые появляются в документах чаще всего, в большинстве случаев близок к канону обращений. Даже если официально это и не требовалось, апелляции имели специфическую структуру, как и любой советский документ. Обычно они направлялись в региональные партийные организации или в ЦК. В начале апелляции автор указал свое имя и номер партийного билета. Затем следует вводная часть, в которой человек обосновывает, по каким причинам и при каких обстоятельствах он вступил в оппозицию. Как правило, в этой части содержатся осудительные утверждения об оппозиции и обобщаются оппозиционные взгляды на внутреннюю политику, международные дела и идеологию [15, л. 1]. После этого заявитель отвергает свои взгляды и выражает глубокое сожаление по поводу неудовлетворительного поведения в партии. Иногда он также может ссылаться на других оппозиционеров, призывая их признаться в своей вине перед партией [16, л. 1]. Кроме этого, он может заявить, что разработал все недавние партийные решения и полностью соответствует партийной дисциплине. Большинство рассмотренных нами обращений имели очень простую структуру, не превышали несколько предложений и обычно повторяли одни и те же выражения сожаления и раскаяния. Для этого исследования мы выбрали те апелляции, которые были написаны более подробно, значительно расширяя послание автора [14, л. 1].

В рамках анализа такого рода источников есть еще один полезный термин, предоставленный Игалом Халфином, связан с практическим аспектом коммунистического дискурса. «Коммунистическая герменевтика души» – это особый набор ритуалов и определений, которые были предписаны членам коммунистической партии для того, чтобы оставаться достойными представителями «братства избранных». Эти средства отбора были заложены в ряд большевистских практик, таких как партийные чистки, товарищеские суды, кампании самокритики и так далее. Апелляции, написанные оппозиционерами, содержали эти фразеологические структуры, что подразумевало осознание авторами апелляций большевистского языка, который они должны были использовать [19, с. 7].

Одним из наиболее наглядных примеров такого текста может служить обращение в Президиум партсобрания коллектива в Смольном, написанное рядовым членом партии В. Пантелеевым. В самом начале Пантелеев отметил, что недавняя речь Зиновьева заставила

его написать это обращение. Он остался недоволен этой речью и решил выйти из оппозиции. Похоже, что Пантелеев упоминает речь Зиновьева, произнесенную на пленуме ЦК и ЦК КП в октябре 1927 года. Во время этой речи Зиновьев утверждал, что сталинское партийное руководство совершило десятки ошибок и увело партию в сторону от ленинского курса [7, с. 3].

Затем Пантелеев вполне конкретно указал на свои сомнения и скрытую тревогу, которую он испытывал несколько месяцев назад в отношении своих политических взглядов: «Я посчитал свои прежние взгляды ошибочными и спросил товарища Болеславского (рядовой член того же коллектива. – Авт.), стоит ли мне об этом говорить или нет. Так как товарищ Болеславский сказал мне: "Делай то, что считаешь более правильным", то я решил не делать письменное заявление, а как-то в ходе работы коллектива сделать устное заявление» [12, л. 36]. В конце концов, Пантелеев решил, что с оппозицией все кончено и не сделал вообще никаких заявлений [Там же].

Пантелеев признал, что доверял взглядам оппозиции на возможное примирение с остальной партией. Он открыто выразил свое разочарование оппозицией, как будто выступление Зиновьева было несправедливым нападением на партийное большинство: «Я был убежден, что заявление оппозиции о мире с партией искреннее. Поэтому, когда я узнал о последнем выступлении товарища Зиновьева, оно произвело на меня самое болезненное впечатление» [Там же].

Сразу после этого Пантелеев отверг все свои разногласия с партией и воссоединился с ее политическими и экономическими решениями. Таким образом, зная о своих ошибках, Пантелеев попросил публично объявить о своем обращении и пообещал придерживаться партийной линии с этого момента: «Я прошу вас зачитать это заявление на общем собрании коллектива и не относить меня к оппозиции, от которой я категорически отмежевываюсь. Надеюсь, что в дальнейшей работе мне удастся исправить тот вред, который я вместе с другими причинил партии своими прежними ошибками» [Там же].

Хотя это повествование можно считать типичным, но в период между XIV-м и XV-м съездами ВКП(б) был ряд частично или совершенно противоположных обращений. Некоторые оппозиционеры или люди, симпатизирующие оппозиции, писали крайне эмоциональные тексты против большинства партии и осуждали ее непрекращающееся запугивание оппозиционеров. Довольно длинное (что не было принято) обращение, написанное 14 октября 1927 года, за два месяца до XV-го съезда, обнажило яростную критику оппозиции со стороны большинства. Написанное А. И. Попковым, предположительно «рядовым членом партии» (так он себя называет), оно было отправлено не куда-нибудь, а прямо в ЦК. Такую важность своего послания автор письма объяснял в самом начале, поскольку происходящие события не могли оставить его в покое: «Я считаю себя в праве настаивать на более скорейшем получении от Вас ответа по существу моей просьбы. Вместе с тем, я должен заявить, что в результате проработки различных материалов и критического анализа спорных вопросов из области внутрипартийных разногласий, я пришел к выводу, что в жизни партии наблюдается ряд крайне ненормальных и болезненных явлений...» [12, л. 53]. Попков утверждал, что его мотивы абсолютно чисты и касаются блага партии, так как эти явления «в интересах нормального развития живой самодеятельности партийных масс, проведения в жизнь внутрипартийной демократии и достижения монолитного единства в нашей партии, должны быть совершенно устранены в кратчайший срок» [Там же].

Как мы можем заметить, его вежливая манера обращения едва ли скрывала его нетерпение, так как в течение последних четырех месяцев он не мог получить ответ от ЦК. Можно сказать, что Попков был не только разочарован, но и искренне пытался скрыть это. Думается, что он намеренно подчеркивал это невнимание или даже пренебрежение к себе со стороны партии, так как пытался сохранять спокойствие против яростного анти-оппозиционного запугивания. Чтобы доказать это, продемонстрируем его точечную критику политики большинства и отношения к оппозиции. В рамках этого анализа мы определенно видим его абсолютное недоумение по поводу текущих политических дискуссий и даже гнев, интенсивно выраженный в тексте.

Например, по поводу обвинений лидеров оппозиции в различных антисоветских преступлениях он задал риторический вопрос с ярко выраженным чувством недоумения: «Неужели действительно можно предъявить такие позорные обвинения виднейшим представителям нашей партии, лишь на основании того, что они расходятся с большинством или же имеют теоретические ошибки в оценке некоторых вопросов» [12, л. 55]. И опять же Попков

недоумевает, можно ли доверять этим обвинениям: «Неужели можно поверить, что старейшие члены партии, боровшиеся с классовыми врагами десятки лет, под руководством ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА в рядах большевистской партии, теперь мгновенно скатились в грязное болото оппортунизма, меньшевизма и ликвидаторства, в ряды предателей и изменников рабочего класса» [Там же].

Разумеется, спорно утверждать, раскрывает ли он подлинное беспокойство по поводу политической борьбы внутри партии или нет. Однако, говоря о концепции «коммунистической герменевтики», можно утверждать, что, поскольку Попков упомянул об этом в обращении, он считал это важным настолько, чтобы дать знать о своих чувствах членам партии. Его текст идет дальше критики нынешних мер, направленных против лидеров оппозиции: «Куда это годится, товарищи, когда члена партии за критическую мысль или разногласие по тому или иному вопросу снимают с работы, отправляют в провинцию, в Сибирь, за границу и т. п.» [12, л. 56] Попков выразил беспокойство по поводу других членов партии, которых, к несчастью, уволили или преследовали: «Можно ли допустить чтобы ответственные члены партии разбрасывались во все стороны, за инакомыслие. Ведь если и дальше продолжать такую политику отсечения и репрессий, то можно откровенно сказать, что это приведет лишь к тому, что наша партия останется без испытанных руководителей и разбросает живой Ленинский капитал. <...> Зачем преследовать, как врагов инакомыслящих товарищей, которые являются такими же борцами за революционное дело, как и другие представители большинства» [Там же]. Самое большое беспокойство, однако, у Попкова вызывали оскорбления оппозиции, так как они не имели ничего конкретного с теми пунктами, которые оппозиция пыталась отстаивать: «Теперь относятся к инакомыслящим с таким презрением, что как будто бы они являются классовыми врагами партии. Стоит сказать, что ты не согласен, хотя бы по какому-нибудь одному вопросу с большинством, как тебе наклеят ярлык оппозиционера и начнут обливать грязью» [Там же].

Он также поддержал оппозиционеров, которые все еще сопротивлялись мерам, направленным против них. Сказав об этом, Попков предугадал будущие аресты и репрессии оппозиции, так как они будут очевидными последствиями регулярных нападений на оппозиционеров: «Но, что же Вы думаете, что оппозиционер, будучи исключенным из партии сложит руки по карманам. Пустяки. Он с такой же страстью и энергией будет продолжать идейную борьбу за свои взгляды, как это делал и в рядах партии. Что же тогда Вы будете делать» [12, л. 60].

Попков явно возмутился, когда перешел к обсуждению запрета любых легальных публикаций для оппозиции. С его точки зрения, реальная дискуссия в партии будет возможна только тогда, когда все стороны будут иметь в виду точку зрения оппонента. В случае с большевистской партией это было не так. Поскольку оппозиция не могла официально опубликовать свою литературу, она использовала нелегальные печатные средства или пишущие машинки. Это, в свою очередь, вызвало проблемы со службами госбезопасности, в том числе с ОГПУ [13, л. 79]. Поэтому Попков довольно остро утверждал, что у оппозиции, кроме нелегальных изданий, нет другого выхода: «Конечно, ничего бы не было плохого, если бы и пришлось открыть дискуссию о внутрипартийных разногласиях, но ведь дело то не в этом, а в том, что большинство боится правды, боится опубликовать то, что докажет его неправоту» [12, л. 60]. Попков определил, что причиной преследований стал страх перед тем, что большинство будет разоблачено. Он заявил, что боязнь открытой дискуссии заставила партию запретить оппозицию: «Почему ж большинство может высказывать свои точку зрения, а меньшинство нет. Почему большинство критикует в печати документы меньшинства, неизвестные для партийной массы. Как может судить партмасса о правильности или неправильности неизвестных ей документов. Почему действительные взгляды меньшинства скрываются от партии» [Там же].

В конце концов, Попков потребовал прекратить любые преследования оппозиции и позволить ей свободно выражать свои взгляды. Таким образом, как мы видим, представленные примеры были достаточно разными. Первый, написанный Пантелеевым, можно считать типичным обращением оппозиционера, готового вернуться на партийный путь. Общая идея такого текста заключается в том, чтобы успешно представить подлинное сожаление об оппозиционной деятельности. Автор такого обращения мог бы надеяться на то, что заслужит второй шанс для возвращения в партию. Второй – это нетипичный текст с высоким уровнем партийной критики, который будет все реже появляться в будущих обращениях 1930-х годов. Здесь автор мог сосредоточиться на том, чем именно он недоволен в партийной жизни. Такие

обращения часто были посланиями партийным коллективам, где они обсуждались. Их авторы пытались инициировать дискуссию, по крайней мере, на уровне партийного коллектива.

В одном из обращений, поданных в этот период, В. А. Томсон, работник государственной фабрики им. Володарского, отметил свой опыт участия в оппозиционной дискуссии. По его словам, он пытался попасть на чтения стенографических отчетов пленума ЦК, организованного в его коллективе. После того как его присутствие было отклонено, он начал искать оппозиционеров, с которыми можно было бы поговорить: «Я стал искать случая встретить оппозиционеров, чтобы с ними поговорить. Вскоре после этого я встретил Коршунова (б. члена Райкома Центрального городского р-на) который информировал меня по спорным вопросам в ЦК» [12, л. 49]. Человек, с которым Томсон встретился, дал ему три экземпляра Заявления 83-х, политической платформы Объединенной оппозиции. Томсон, в свою очередь, передал два из них другим заинтересованным лицам. Таким образом, они выстроили цепочку между людьми, которые читали и подписывали платформу, передавая ее следующим. Зачастую копии не возвращались, что могло означать, что они передавались многим людям, которые теряли след этих копий. Как продолжал Томсон, иногда совершенно случайные люди приходили к нему с просьбой сделать копию: «Второе [заявление] я отдал здесь же на фабрике, но кому именно не помню, т. к. ко мне обратились очень многие и просили дать что-нибудь почитать <...> Много раз ко мне приходили совершенно незнакомые лица, поэтому мне нечего было им дать» [Там же]. Среди его контактов были люди, которые знали Троцкого, и даже делились его адресом в Ленинграде во время сессии ЦИКа: «Она [Раскина] говорила, что можно желающим пойти встречать Троцкого, я, думав, решил пригласить с собой т. Кулбанова и члена бюро коллектива т. Аграновского, с кем и пошли, другие были мне незнакомые и до сих пор я не знаю кто они были» [Там же]. Говоря о реальной работе, в которую он мог бы быть вовлечен, Томсон не заявил ничего с полной уверенностью и просто намекнул на то, что он мог бы делать: «Работы я никакой не вел, вернее не имел таких возможностей ввиду перегруженности своими прямыми обязанностями. Если бы имел побольше времени, то не ручаюсь, что могло бы быть, что вел бы кое-какую работу» [Там же].

Таким образом, в этой статье нами рассмотрено, как в 1920-х годах во время политической борьбы оформилась оппозиция, которая вскоре была официально запрещена. Стенограммы съездов партии наглядно демонстрируют интенсивность борьбы, где оппозиция получала все более жесткие обвинения. Первоначально, как мера контроля над внутрипартийными группами, запрет фракций постепенно становился основной предпосылкой для изгнания несогласных членов партии.

Обсуждалось также, как развивались различные типы апелляций оппозиционеров. Те, кто надеялся на повторное принятие, пытались искренне выразить свое разочарование в оппозиции. Остальные могли проявить гнев по отношению к большинству членов партии из-за несправедливого изгнания или умышленных оскорблений оппозиции.

Наконец, можно также утверждать, что люди, входящие в оппозиционные группы, могли иметь общие эмоциональные связи, так как они поддерживали неформальные отношения с другими членами этих групп. Данная практика может свидетельствовать о существовании особого «эмоционального сообщества» среди ленинградских оппозиционеров, обособляющего себя от большинства партии.

Список литературы

- 1. 14-й Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М. : ГИЗ, 1926.
- 2. 15-й Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: ГИЗ, 1928.
- 3. *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956. СПб.: Академический проект, 2009.
 - 4. Ленинградская правда. 1927. № 201.
 - 5. Ленинградская правда. 1927. № 272.
 - 6. Плампер Я. История эмоций. М.: НЛО, 2018.
 - 7. Правда. 1927. № 251.
- 8. *Резник А. В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924. СПб.: Издательство Европейского университета, 2018.
 - 9. Роговин В. З. Была ли альтернатива? (Троцкизм взгляд через годы). М.: Терра, 1992.
 - 10. Роговин В. З. Власть и оппозиции. М.: Iskra-Research, 1993.
 - 11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 23.
- 12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 4978, 36.

- 13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 16. Ед. хр. 59, 74.
- 14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-16. Оп. 1-1. Ед. хр. 637.
- 15. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-1862. Оп. 1. Ед. хр. 33.
- 16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф Р-1862. Оп. 1. Ед. хр. 56.
 - 17. Halfin, Igal. "The Bolsheviks Gallow's Laughter." Journal of Political Ideologies 11. 2006. Pp. 247-268.
- 18. Halfin, Igal. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
 - 19. Halfin, Igal. Terror in My Soul. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- 20. Reddy, William. "Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture: Comment." Slavic Review 68. 2009. Pp. 329–334.
- 21. Reddy, William. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- 22. Rosenwein, Barbara H. "Problems and Methods in the History of Emotions." Passions In Context 1. 2010. Pp. 1-32.

Internal party struggle in Leningrad in 1926–1928: emotional characteristics of opposition appeals

K. V. Kuznetsov

postgraduate student, Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. E-mail: mr.tweektweak@gmail.com

Abstract. The article examines the practice of appeals of oppositionists who were expelled from the party in 1926-1928. The analysis of both well-known and recently declassified sources and their interpretation in the context of internal party struggle is given. In addition, the article discusses changes in the assessment of the opposition at party congresses by the party majority. The purpose of this study is to analyze the appeals of the opposition in the context of emotional pressure from the party. As shown in the work, after several years of political struggle in the Communist Party, the opposition becomes an officially unacceptable group and is excluded from the party. In parallel to this process, a procedure for appealing for reinstatement to the party is being formed for excluded members, including opposition members. The oppositionists, who are forced to appeal to the party on the issue of restoration, fill the appeals with emotional content. These emotions may indicate another, poorly understood dimension of political struggle, namely the existence of "emotional regimes" and "communities". The oppositionists could submit to the emotional demands of the party organs and openly express regret for their previous actions. Some chose the path of continuing the political struggle and tried to initiate a discussion in their appeals, sometimes resorting to clearly expressed emotional arguments. The ties that have strengthened between the Leningrad oppositionists during the internal party struggle can speak of the emotional community of this group. The article may be of interest both for specialists in the field of political history of the USSR, and for all those interested in the history of Russia of the XX century.

Keywords: left opposition, RCP(b) – CPSU(b), appeals, emotional regime, history of emotions.

References

- 1. 14 th Congress of the CPSU(b). Transcript. M. GIZ. 1926.
- $2.\,15$ th Congress of the CPSU(b). Transcript. M. GIZ. 1928.
- 3. Brandenberger D. Nacional-bol'shevizm: Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya, 1931–1956 [National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity, 1931–1956]. SPb. Academicheskiy project. 2009.
 - 4. *Leningradskaya pravda* Leningrad truth. 1927. No. 201.
 - 5. Leningradskaya Pravda Leningrad truth. 1927. No. 272.
 - 6. Plumper Ya. Istoriya emocij [History of emotions]. M. UFO. 2018.
 - 7. *Pravda* Truth. 1927. No. 251.
- 8. Reznik A. V. Trockij i tovarishchi: levaya oppoziciya i politicheskaya kul'tura RKP(b), 1923–1924 [Trotsky and the Comrades: the left opposition and the political culture of the RCP (b), 1923–1924]. SPb. European University Press. 2018.
- 9. Rogovin V. Z. Byla li al'ternativa? (Trockizm vzglyad cherez gody) [Was there an alternative? (Trotskyism look through the years)]. M. Terra. 1992.
 - 10. Rogovin V. Z. Vlast' i oppozicii [Government and the opposition]. M. Iskra-Research. 1993.

- 11. Russian state archive of socio-political history. F. 45. Inv. 1. St. unit 23.
- 12. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 7. Inv. 4. St. unit 4978, 36.
- 13. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 24. Inv. 16. St. unit 59, 74.
- 14. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg, F. P-16. Inv. 1-1. St. unit 637.
- 15. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. P-1862. Inv. 1. St. unit 33.
- 16. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. P-1862. Inv. 1. St. unit 56.
- 17. Halfin, Igal. "The Bolsheviks Gallow's Laughter". Journal of Political Ideologies 11. 2006. Pp. 247–268.
- 18. Halfin, Igal. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
 - 19. Halfin, Igal. Terror in My Soul. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- 20. Reddy, William. "Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture: Comment". Slavic Review 68. 2009. Pp. 329–334.
- 21. Reddy, William. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- 22. Rosenwein, Barbara H. "Problems and Methods in the History of Emotions". Passions In Context 1. 2010. Pp. 1-32.